

Dashkevich, N. P.

324.

МІРОВАЯ СКОРБЬ, мрачное міровоззрѣніе и пессимизмъ

въ западно-европейской поэзіи новаго времени, преимущественно
новѣйшей французской.

Н. П. ДАШКЕВИЧА.

РѢЧЬ,

произнесенная на торжественномъ актѣ Университета Св. Владимира
17 января 1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владимира
В. І. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.
1895.

1311

PN 56
P4 D 38

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1895 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

**Міровая скорбь, мрачное міровоззрѣніе и пессимизмъ.
въ западно-европейской поэзіи новаго времени, преимуще-
ственно новѣйшей французской.**

*(Рѣчь, произнесенная профессоромъ Н. П. Дашкевичемъ на торжественномъ актѣ университета св. Владиміра 17 января *).*

I. „Само по себѣ ничто ни дурно, ни хорошо; лишь мышленіе дѣлаетъ его тѣмъ или другимъ“, говоритъ Шекспировъ Гамлетъ. Другими словами: лишь собственное мышленіе заставляетъ каждого усматривать хорошее или худое въ томъ или иномъ явленіи.

Это мимолетное замѣчаніе знаменитаго Шекспирова пессимиста подтверждается какъ нельзя лучше исторіею человѣческой мысли вообще и въ частности исторіею поэзіи. Тотъ самый міръ, созерцаніе котораго наполняетъ восторгомъ однихъ, внушаетъ скорбь, негодованіе, либо холодное презрѣніе другимъ.

Такое сочетаніе противоположныхъ міровоззрѣній представляетъ и наше время. На ряду съ возгласами о прогрессѣ, которые раздавались особливо въ 60-хъ годахъ нашего вѣка, на ряду съ гордыми надеждами человѣческаго генія и никогда не прекращающимися въ человѣчествѣ свѣтлыми упованіями на лучшее будущее, замѣчается колебаніе и отсутствіе цѣльности во множествѣ личностей, не находящихъ твердой опоры для своихъ лучшихъ порываній; представленіе и чувство многихъ людей образованнаго общества на Западѣ и у насъ подавляются безнадежнымъ отношеніемъ къ жизни, угнетаются тяжелымъ кошмаромъ мрачныхъ мыслей. Скорбное міросозерцаніе всецѣло овладѣваетъ не только людьми заурадными, но также и нѣкоторыми

*) Въ интересѣ своевременнаго выхода отчета о торжественномъ актѣ Университета св. Владиміра пока представляемъ сокращенное изложеніе рѣчи; полный же текстъ ея съ надлежащими подтвержденіями и ссылками явится въ печати позднѣе.

изъ даровитѣйшихъ мыслителей и поэтовъ, и набрасываетъ мрачную тѣнь на конецъ нашего вѣка, внушая не ждать ничего лучшаго въ будущемъ и ужасая раскрывающеюся при этомъ бездной человѣческаго отчаянія.

И сколько отъ того печальныхъ явленій въ жизни! Развитие алкоголизма готовы объяснять и иные ученые исканіемъ забвенія среди невзгодъ жизни. Можно насчитать далѣе тысячи печальныхъ фактовъ добровольной разлуки съ жизнью, многіе изъ которыхъ возводятся съ полною вѣроятностію къ безнадежнымъ идеямъ о мірѣ. Вспомнимъ, что начало маніи самоубійствъ въ новое время было положено и въ поэзіи и въ жизни предками нашихъ разочарованныхъ—Гётевымъ Вертеромъ и лицомъ, послужившимъ отчасти прототипомъ послѣдняго и дѣйствительно покончившимъ съ собою,—Іерузалемомъ. Къ тому-же разряду явленій относится отчасти и анархическое движеніе, отрицающее всѣ существующіе устои жизни. Сопоставимъ съ нимъ „Разбойниковъ“ Шиллера, „Sbogar“-а Нодье и т. п. поэтическихъ героевъ, и мы узнаемъ исходный пунктъ анархизма.

Эти и подобныя явленія—нерѣдко лишь послѣдствія мрачнаго настроенія, не вполне сознательнаго и не строго продуманнаго.

Но бессознательный пессимизмъ, внушаемый природными задатками темперамента, напр., меланхолическаго, элегическаго созерцаніе міра, напр., въ виду господства въ немъ смерти, мрачный взглядъ на міръ и существующія отношенія, порождаемый чисто личными неудачами, невзгодами, бѣдствіями и горемъ, эгоистическимъ раздраженіемъ, временнымъ юношескимъ разочарованіемъ, болѣе позднимъ разочарованіемъ въ другихъ и въ самомъ себѣ, либо старческою брюзгливостію, пресыщеніемъ жизнью и мизантропией, столь свойственное человѣку недовольство настоящимъ—все это явленія низшаго порядка по сравненію съ болѣе широкимъ міросозерцаніемъ мрачнаго пошиба, основаннымъ прежде всего не на личныхъ скорбяхъ, а на высшихъ требованіяхъ, предъявляемыхъ жизни лучшими людьми человѣчества. Не всякія жалобы на судьбу, бренность и ничтожество всего земнаго и не всякое отчаяніе запечатлѣны такимъ возвышеннымъ общимъ интересомъ. Что міръ нашъ не совершенъ, что жизнь въ немъ скоротечна, что онъ полонъ горя, что люди дурны, что жизнь ихъ суетна и ничтожна, такія наблюденія, вѣроятно, существовали и высказывались почти во всѣ вѣка человѣческой исторіи. Но эти наблюденія приобрѣтаютъ важность не сами по себѣ, а по тому положенію, въ кое удѣла-

ляется имъ въ общей системѣ міровоззрѣнія, и по тому выводу, который дѣлается изъ нихъ. Въ старой Индіи и въ Европѣ новаго времени эти извѣчныя и постоянно повторявшіяся наблюденія получили особую силу, были обобщены и возобладали въ особомъ міросозерцаніи. Въ западно-европейской литературѣ это скорбное міровоззрѣніе въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нашего вѣка получило названіе „міровой скорби“ (Weltschmerz), а въ философіи и въ новѣйшей поэзіи сложилось въ цѣлую систему пессимизма.

Пессимизмъ—болѣе или менѣе осмысленное, систематическое недовольство тою жизнію въ цѣломъ, на которую обреченъ родъ людской, недовольство въ виду *преобладанія непреодолимаго зла* въ мірѣ, въ природѣ и въ человѣкѣ, постоянное и неутѣшное памятованіе о разладѣ дѣйствительности съ нашими стремленіями къ счастью и идеалами и оцѣнка жизни лишь въ предѣлахъ ближайшаго воспріятія этого разлада, внѣ идей о благомъ, промыслѣ, цѣлесообразности міра, бессмертіи души и т. п.

Кто не знаетъ, что такое мрачное міровоззрѣніе, выступавшее по временамъ и ранѣе, въ нашемъ столѣтіи, отъ самаго его начала и до сего дня, является настоящею „болѣзнію вѣка“ и овладѣло нѣкоторыми могучими умами и талантами той самой Европы, которая, начиная со временъ эллинской образованности, являлась центромъ энергіи и неустаннаго движенія человѣчества впередъ—къ болѣе свѣтлому будущему?

Всякому образованному читателю извѣстны имена главныхъ поэтическихъ выразителей этого скорбнаго міросозерцанія въ нашемъ столѣтіи на Западѣ, а также представителей его въ философіи. Хотя все еще не возстановлено вполне обаяніе, какимъ пользовалась философія въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нашего вѣка, но слова „пессимизмъ“, „оптимизмъ“ постоянно раздаются теперь въ кругу интеллигентнаго общества, и усиленно обсуждаются рѣшенія вопроса о томъ, что такое счастье, каковы условія его и т. п. Сколько разъ повторялись въ послѣднія десятилѣтія образованными читателями имена Шопенгауэра, Гартманна и Ницше! И какъ распространены подобныя безотрадныя ученія повсюду, въ томъ числѣ и у нашихъ лучшихъ поэтовъ, начиная съ Лермонтова! Сколько грустныхъ нотъ у Тургенева! И сколько пессимизма въ иныхъ произведеніяхъ Достоевскаго! Элементы буддизма привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе у такихъ нашихъ поэтовъ, какъ гр. Л. Н. Толстой и Голенищевъ-Кутузовъ, недавно

увѣнчанный Пушкинскою преміею. Не упоминаю о поэтахъ второстепенныхъ, каковы Надсонъ, Мянскій и др.

Не удивительно, что это видное теченіе современной мысли и чувства стало предметомъ ходячихъ фразъ и разговоровъ, газетныхъ и журнальных статей, публичныхъ чтеній и научныхъ разысканій. Противъ философовъ мрачнаго міровоззрѣнія выступаютъ и богословы, и философы-спеціалисты. Въ противовѣсъ пессимизму вновь сооружаются системы оптимизма, какова, напр., новѣйшая система Лорма.

Все это перечитывается и живо интересуется образованное общество. Къ сожалѣнію, далеко не многіе изъ интересующихся мрачною поэзію и философіею, цѣнителей, почитателей и критиковъ той и другой надлежаще разграничиваютъ различные роды пессимизма, который, напр., часто въ новой Европѣ рѣзко отличенъ отъ индійскаго; немногіе пытались уяснить причины и условія возникновенія подобныхъ отрицательныхъ явленій человѣческой мысли и чувства; далеко не многіе обращаются къ широкому сравнительно-историческому изученію ихъ, и не всѣ входятъ въ полную и всестороннюю оцѣнку пессимизма.

Для установленія правильнаго взгляда на явленія въ значительной степени важно знать ихъ происхожденіе. А между тѣмъ, вдумывались ли, напр., отчего пессимизмъ пустилъ такіе глубокіе корни въ Европѣ именно въ нашемъ столѣтіи и особливо въ наше время? Вѣдь чисто философскій генезисъ, основа и оцѣнка пессимизма еще не рѣшаютъ вопроса объ его судьбахъ въ тотъ или иной вѣкъ. Пессимизмъ принадлежитъ къ числу такихъ-же типичныхъ формъ дѣятельности человѣческаго духа, какъ и многія другія, неоднократно повторявшіяся въ исторіи, хотя и съ постоянными отлѣнами. Изъ индивидуальныхъ личностей однѣ обнаруживаютъ преимущественное влеченіе къ пессимизму, а другія не вникаютъ глубоко въ безотрадныя явленія, которыми полна жизнь, и всецѣло уходятъ въ сутолоку ея, либо не находятъ достаточныхъ основаній къ вполне мрачному взгляду на міръ. Такое несходное либо противоположное отношеніе личностей къ жизни можно наилучше наблюдать въ поэтахъ. Вспомнимъ, что жизнь Сервантеса была полна невзгодъ, но авторъ Донъ-Кихота до конца сохранялъ доброе расположеніе духа, относился къ бѣдамъ съ геніальною легкостью и обладалъ способностью веселаго смѣха, свободнаго отъ всякой горечи. Крупнымъ талантомъ усматривать комизмъ людскихъ характеровъ и дѣяній былъ надѣленъ и Мольеръ; онъ испыталъ гораздо меньше

неудачъ въ своей жизни, чѣмъ Сервантесъ, и однако-же отнѣся къ міру иначе, чѣмъ великій испанскій романистъ. Въ Англіи въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка одновременно подвизались на литературномъ поприщѣ и желчный Свифтъ, и свѣтло глядѣвшій на жизнь Эддисонъ. Но иногда не единичныя только личности, а цѣлые ряды ихъ охватываются мрачнымъ настроеніемъ, которое становится какъ-бы эпидеміею. Такого рода пессимизмомъ характеризуется новѣйшее время у насъ и на Западѣ, гдѣ, напр., недавно бывшій французскій министръ народнаго просвѣщенія Лейгъ въ надѣлавшей много шума рѣчи къ студентамъ призывалъ юношей, утратившихъ жизнерадостность, вернуться къ старой французской веселости и бороться съ пессимизмомъ, повѣявшимъ съ сѣвера.

Этотъ страшный недугъ, становясь повальнымъ, требуетъ самаго серьезнаго вниманія, такъ какъ оказываетъ огромное вліяніе на установленіе того или иного отношенія къ жизни и на рѣшеніе основныхъ вопросовъ, возникающихъ передъ каждою разумною личностію—вопросовъ о смыслѣ жизни. И помимо того, пессимизмъ представляетъ собою внушающее глубокій интересъ явленіе человѣческой мысли и чувства. Это лишь самая типичная, крайняя и болѣе или менѣе отчетливая формулировка мыслей и чувствованій, омрачавшихъ радость жизни человѣка не только со времени индійскихъ мудрецовъ, а уже съ первыхъ столкновеній стремленія человѣка къ счастію съ суровою дѣйствительностію и ея неумолимыми законами, изъ которыхъ иные навсегда останутся для насъ непреодолимыми силами и не вполне понятными велѣніями. Есть немало величія въ рѣчахъ Прометеевъ человѣческаго рода, гордыхъ титановъ, смѣло бросающихъ въ лицо судьбѣ горькіе упреки и не желающихъ мириться съ нашей низменной долей. Намъ близокъ этотъ мятежный ропотъ и недовольство человѣка своей судьбой, надѣлившей его возвышенными помыслами и стремленіями и обрекающей это высшее изъ созданій на постоянную скорбь, а затѣмъ на гибель наравнѣ съ другими. Переносясь въ мотивы вдохновенія великихъ поэтовъ и мыслителей скорбнаго и мрачнаго міросозерцанія, мы и сами становимся выше. Есть много правды въ словахъ де-Мюссэ о томъ, что „ничто не дѣлаетъ насъ столь великими, какъ великая печаль“.

Эти величавыя движенія человѣческаго духа въ высокой степени интересны и глубоко затрогиваютъ наше сердце, но вмѣстѣ съ тѣмъ они очень трудны для анализа въ силу своей сложности и чрезвычайнаго разнообразія.